

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ АЛЬМАНАХ О КНИГАХ И КНИЖНИКАХ

EX LIBRIS

Знаковая фигура
Омского
библиотечного
дела

Отделу искусств
«Пушкинки»

50 лет!

Пётр Ребрин.
Уникальный
фрагмент военного
дневника

Первый в Омске
Музей Книги

«...Три ночи».
Как это было

ИСТОРИЯ ПЕРСОНАЛИИ ЛЕГЕНДЫ ЛИТЕРАТУРНОГО ЖАНРА

ПРОСПЕКТ КУЛЬТУРЫ

КНИЖНАЯ ПОЛКА

ПРОЕКТ PLUS БИБЛИОПРОФЕССИОНАЛЫ

В (ЭПИ)ЦЕНТРЕ КРАЕВЕДЕНИЯ

ЭКСКЛЮЗИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ В КАЖДОМ НОМЕРЕ

Александр Ремизов

ЗА СТРОКАМИ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Архивная находка... Есть такое расхожее, несколько интригующее и не очень корректное сочетание слов. Находят то, что потеряно. Архивы же для того и существуют, чтобы надёжно хранить документы и утрат не допускать. Так что «находка» в данном случае – понятие относительное, скорее субъективное. Просто некий документ или документальный массив оказались вдруг в поле зрения историка и таким образом обрели шанс получить более или менее широкую известность...

Есть в нашей библиотеке, как в любом другом учреждении, свой служебный (он же ведомственный) архив. Среди прочего хранятся в нём и личные дела работников, уволенных в тот или иной период времени. «Время» здесь ключевое слово. И когда на блёклой картонной папке полувыцветшими чернилами обозначены 1942–1943 годы, возникает оправданное желание поинтересоваться её содержимым.

Типологически это выглядит не очень интересно: заявления о приёме на работу, отпуск, переводе, увольнении. Копии документов об образовании и трудовом стаже, анкеты, докладные и объяснительные записки, поощряющие и наказывающие приказы руководства и т. д. и т. п. Всё это могло показаться скучным, если бы не феномен времени, военного времени.

Прежде всего, поражает сама форма бытования документов – на чём только не писали и не печатали. Какие-то обрывки обёрточной бумаги, фрагменты плакатов, афиш и географических карт, обороты таблиц и диаграмм, обложки и титулы каких-

то изданий, куски обоев... Уже одно это настраивает на волну суровых, полных лишений и невзгод военных лет. Конечно же, ощущается присутствие войны и в самих текстах. Вот, к примеру, заявление Клавдии Михайловны Зоммер от 22 июля 1941 года: «Прошу отпустить меня на работу в военный госпиталь, т. к. я желаю оказать посильную помощь нашей Красной Армии». А вот сам начальник госпиталя военврач 2-го ранга Лукьянов и его замполит, батальонный комиссар Гуторенков просят «отпустить с работы... тов. Трегуб Марию Филипповну на работу заведующим библиотекой в Омском военном госпитале». Это тоже 1941 год, но до войны ещё три мирных недели... Вот докладная от 9 ноября 1941 года. Работник библиотеки опоздал на 5 минут «по случаю задержания в столовой» («Причину вполне уважительной не считаю. Но это исключительный случай. Иначе поступить не мог».)

В октябре того же 1941 года секретарь сообщает директору: «Довожу до Вашего сведения, что зав. хозяйством...

Сотрудники библиотеки. 1915 г.

ушёл в 12 часов дня и пришёл в 2 часа, в книге ухода не расписался, принёс с собой булку хлеба, через 5 минут опять куда-то поспешил и опять не расписался. Это моё наблюдение не первое». За уход с работы завхоз получил выговор. Уже сточение мер в отношении нарушителей трудовой дисциплины имело место ещё в канун войны, соответствующий Указ Президиума Верховного Совета СССР вышел в ноябре 1940 года. Так, дело библиотечного переплётчика за однодневный прогул было направлено «в народный суд 5-го участка Куйбышевского района... для привлечения его к ответственности».

Поражает объяснительная одной из сотрудниц, датированная декабрём 1940 года: «Я опоздала на работу на 5 минут исключительно из-за часов. Так как часы «ходики», они шли, а стрелка стояла на месте, что-то испортилось. Ранее опозданий не было...». Другая сотрудница в январе 1941 года тоже пишет про часы: «Сегодня я опоздала на работу на 6 минут. Меня подвели часы. Находясь дома, я посмотрела на часы (у соседей, своих не имею)... и спокойно пошла на службу, уверенная в своевременной явке». За этот проступок был объявлен выговор с предупреждением о возможном переводе на нижеоплачиваемую должность.

Весной 1943 года, как свидетельствует одна из докладных, «ввиду преступной халатности ночного сторожа... были вырыты и унесены три столба», а несколькими днями позже, также ночью, была сорвана и унесена большая часть библиотечного

забора. Прохладная, видно, была весна в сорок третьем...

За скучными казёнными фразами – человеческие судьбы, переживания и надежды. Взять хотя бы автобиографии наших коллег из далёкого уже прошлого. Каждая из них является пусть фрагментарным, но достоверным отражением переломного, межэпохального времени. Особенно это относится к людям зрелого возраста, ведь те, кому к началу войны было за сорок и более лет, формировались и образовывались ещё в досоветский период и пережили как минимум две революции вкупе с мировой и гражданской войнами. Вот он – стык эпох, отнюдь не безболезненный и не бескровный.

Есть в документах и автобиография Софьи Николаевны Новосёловой (Пахоловой), датированная апрелем 1937 г. Мы воспроизводим собственноручно ею подписанные (а, возможно, и напечатанные) машинописные страницы один в один, без правки, без купюр, давая возможность читателю увидеть и прочесть этот документ почти что в оригинале. Ведь это автобиография человека, стоявшего у самых истоков Пушкинки, первой заведующей библиотеки, самой первой нашей предшественницы.

Документ красноречив и, на наш взгляд, не нуждается в комментариях. Разве что в одном – скорбном. В декабре 1942 г. «по состоянию здоровья» Софья Николаевна ушла в отпуск без содержания до 15 февраля 1943 г. За два дня до его окончания она умерла...

Автобиография

(ПАХОЛКОВОЙ) НОВОСЕЛОВОЙ Софьи Николаевны биб-рия Пушкин-
ской биб-ки.

Я родилась 20/1-1870 г. в г. Петропавловске бывшей Акмолин-
ской области. Отец мой был там врачом местного лазарета. В 1881 г.
наша семья переехала в Омск, ввиду служебного переезда отца.

Здесь отец несколько лет был старшим врачом кадетского корпуса,
а потом главным врачом военного госпиталя, где и умер в сентяб-
ре 1888 г.

Я училась в женской гимназии и окончила полный курс с золо-
той медалью (7 классов без 8-го специально педагогического).

Смерть отца очень тяжело отразилась на всей последующей жиз-
ни нашей семьи, так как он, в состоянии психического расстройства,
покончил собой.

Материально мы вначале были прилично обеспечены, т.к. у
нас был свой дом и все мы: мать, я, сестра и брат получали пен-
сию и эмигрантуру. Но мать наша была очень слабого здоровья и
страдала истерией, а брат был эпилептик и мне, как старшей, пришлось
с молодых лет посвятить себя заботам об них обоих, сестра еще
училась, а потом стала служить, я же давала частные уроки и, выучив-
шись, жить, сама обшивала всю семью и принимала участие почти
во всех общественных организациях того времени. Со временем
постепенно ухудшалось здоровье брата и он понемногу начал
работать, а в Январе 1903 г. поступила в Зав. библиотекой быв.
общества попечения о начальном образовании, где пробыла до
1/1-1907 г., после чего перешла Заведывающей же во вновь от-
крывшуюся того родскую Пушкинскую биб-ку и оставалась тут до
сентября 1910 г.

Вследствие тяжелых условий работы в Пушкинской библиотеке
того времени и наших семейных обстоятельств, я сама оставила эту

Автобиография Новоселовой (Пахолковой) Софьи Николаевны. 1937 г.

работу, но потом возвращалась опять сюда с 1/III-1918 г. по 15/VI-1920 г.^х и временно еще с 1/1 по 15/VI-1922 г.^{хх}

С 1/IX-1910 г. по 30/У-1912г. я работала машинисткой в бывш. Войсковом Правлении, с 21/IX- 1913г. - 21/VI-1918г.

в Тубдиспансере, обследовательницей больных на дому.^х

С 15/VI-1920г. - 1/IX-1921г. секретарь Транспортного Отдела

Центросоюза;^{хх} с 15/III-1922г. - 1/VI-23г., делопроизводитель

Омской Товарной Биржи, с 18/VI-1923 - 20/XI-1927г. секретарь

Ксерьевской артели Иввалидов, с 3/VI-1930г. - 9/XI-1932 г.

стар. земрегистр. Омского Отряда Геосекции, при Запсибкоммуна-

хозе, с 25/XI-1932г. - 16/II-1934г. библиотечный Омского Педтехнику-

ма и с 16/II-1932г. по настоящее время библиотечный Пушкинской биб-

лиотеки. В промежутках были еще кратковременные работы и пол-

ный мой трудовой стаж к 1/VI 1937г. будет - 30 лет.

С 11/XII-1936г. я получаю пенсию по инвалидности, так как

у меня нет стажа однородной работы, чтобы получать пенсию

за выслугу лет, но многие перемены моей службы, а также и пе-

рерывы вызывались нашими семейными условиями.

В Январе 1920г. умер мой брат, а в ноябре я вышла замуж

за Новоселова Степана Антоновича, который в то время служил

сначала статистиком пожарного подотдела Омместхоза, а потом

архивариусом от *Т.К.У.* и оставил службу, по сокращению шта-

та, в феврале 1924 г., а в марте 1927г. умер от рака пече-

ни. Раньше мой муж был военным 3-го Отдела Сиб. Казачьего войска,

но вышел в отставку еще в 1908г. С какого года он начал служ-

бу я не знаю. В августе 1926г. после 1 1/2 лет парализованного состоя-

ния умерла моя мать и со смертью мужа мы остались вдвоем.

с сестрой бывшей учительницей.

На все указанные мною данные, у меня есть документы

как мои лично, так и моего мужа за время его полевой

службы.

С. Новоселова

"24"/IV 1937г.

